

Научная статья

УДК 316.6

doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007

Особенности социальной идентичности современных российских студентов

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА ГАЙЧЕНЯ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, help@tatianaszn.ru

А н н о т а ц и я . В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей социальной идентичности современных российских студентов. Социальная идентичность рассматривается как многомерная система, включающая шесть модусов: гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный. Анализируются уровни выраженности модусов, их иерархическая структура, половозрастные различия, а также взаимосвязь модусов со статусами социальной идентичности. В исследовании приняли участие 210 студентов российских вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В качестве основных методик исследования были использованы: опросник «Исследование гражданской идентичности населения современной России» (авторы Л. А. Степнова и К. А. Иваненко) в модификации Е. В. Селезневой; методика изучения социальной идентичности (авторы Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева). Статистическая обработка включала непараметрические методы: критерий Манна – Уитни и коэффициент корреляции Спирмена. Результаты показали высокую выраженность всех модусов, ведущую роль гражданской идентичности, а также более высокие показатели псевдоидентичности по сравнению с достигнутыми статусами. Результаты эмпирического исследования позволяют уточнить представления о структуре социальной идентичности современной молодежи.

К л ю ч е в ы е с л о в а : социальная идентичность; модусы социальной идентичности; гражданская идентичность; статус идентичности; псевдоидентичность.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гайченя Т. А. Особенности социальной идентичности современных российских студентов // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2026. № 1 (20). С. 51–68. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007.

Original article

Specifying Social Identity of Modern Russian Students

TAT'YANA A. GAICHENYA

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, help@tatianaszn.ru

Abstract. The article represents results of an empirical study of social identity of modern Russian students. Social identity is defined as a multidimensional system

comprising six modes: civic, national, cultural, professional, regional, and religious. The study analyzes levels of expression of the modes, their hierarchical structure, gender and age differences, and the relationship between the modes and social identity statuses. A total of 210 students from Russian universities aged 17 to 25 participated in the study. The main research methods used were the questionnaire "Study of the Civic Identity of the Population of Modern Russia" (authors Stepnova L.A. and Ivanenko K.A.) modified by Selezneva E.V. and the methodology for studying social identity (authors Schneider L.B. and Khrustaleva V.V.). Statistical processing of the results was carried out using nonparametric methods: the Mann-Whitney tests and Spearman correlation coefficients. The results demonstrate a high level of all modes, the leading role of civic identity, and higher rates of pseudo-identity compared to achieved statuses. The study's findings provide further insight into the progress of social identity among today's youth.

Key words: social identity; modes of social identity; civic identity; identity status; pseudo-identity.

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology.

For citation: Gaichenya T.A. Specifying social identity of modern Russian students. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2026, no. 1 (20), pp. 51–68. doi 10.46741/sjournal.2026.20.1.007.

Социальная идентичность традиционно рассматривается как система представлений о собственной принадлежности к различным социальным группам и общностям.

В условиях усиливающихся социально-политических трансформаций вопросы формирования социальной идентичности молодежи приобретают особую актуальность. Студенческая молодежь представляет собой социальную группу, наиболее чувствительную к изменениям общественных норм, ценностей и требований, что обуславливает необходимость анализа особенностей ее социальной самоидентификации.

Исследования последних лет подчеркивают, что структура социальной идентичности студенческой молодежи становится все более вариативной и неоднородной. Н. М. Великая и А. А. Лисенкова рассматривают социокультурные основания идентичности студентов и подчеркивают, что «высокая степень турбулентности» современной России создает условия для вариативности идентичностей у студентов, что отражается в неоднородности их «социокультурного профиля» [1]. Н. П. Сащенко в своем эмпирическом исследовании показывает, что молодые студенты демонстрируют множественные идентичности одновременно (а не один доминантный тип), что свидетельствует о трансформации прежних стабильных профилей идентичности. По мнению автора, возникает «противоречивый», гибридный идентификационный профиль идентичности [2].

В данном процессе существенную роль играют как социальные факторы, так и цифровая среда, расширяющая пространство социального сравнения. Зарубежные исследования [3; 4] подтверждают, что цифровые механизмы самопрезентации оказывают значимое влияние на построение идентичности.

Также важным направлением исследования проблематики социальной идентичности остаются работы, посвященные анализу статусов социальной идентичности, в основе которых лежит концепция Дж. Марсии [5]. Особый интерес вызывает феномен псевдоидентичности, широко распространенный среди молодых людей, который может выполнять адаптивную функцию при недостаточно сформированных внутренних основаниях идентификационных выборов. Например, в работе Л. Н. Молчановой и С. И. Королевой рассматривается социальная идентичность студентов, волонтерство и статус псевдоидентичности. Авторы отмечают, что среди опрошенных студентов заметная доля респондентов с псевдоидентичностью, что интерпретируется как отражение общей нестабильности идентичностных ориентаций [6].

Стоит отметить, что значительная часть современных исследований сосредоточена на изучении отдельных модусов (форм) социальной идентичности: гражданской, этнической, культурной, профессиональной и т. д.

Так, в ряде работ объектом изучения выступает гражданская идентичность, рассматриваемая через призму развития гражданственности, политической культуры или патриотизма студенческой молодежи. Например, исследования В. Е. Минеева-Ли, Е. Ю. Глазыриной и Т. А. Нежинской [7; 8] показывают, что гражданская идентичность студентов формируется под влиянием образовательной среды, включенности в общественно значимую деятельность и актуальной социальной повестки. Авторы подчеркивают, что гражданская идентичность выступает самостоятельным, значимым компонентом социальной структуры личности, который развивается в относительно независимой логике.

Другим направлением является изучение этнической и национальной идентичности, акцентирующее внимание на образах «мы» и «они», принадлежности к этнокультурному сообществу и формировании межгрупповых установок. Так, исследования В. В. Гриценко, М. Н. Ефременковой и Н. В. Муращенковой [9] показывают, что этническая и гражданская идентичности старшеклассников и студентов не совпадают полностью: они опираются на различные ценностные и социокультурные основания, могут находиться в согласии или напряжении, а уровень их выраженности зависит от контекста социализации. Эти результаты подтверждают относительную автономность национального модуса идентичности.

Отдельный массив исследований посвящен культурной (социокультурной) идентичности, которая включает осознание себя как носителя определенного культурного кода, традиций и норм. В работе Н. М. Великой и А. А. Лисенковой [1], посвященной студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности, показано, что культурная идентичность формирует самостоятельную иерархию значимостей и может изменяться под влиянием региональных, миграционных и информационных факторов. Таким образом, культурная идентичность рассматривается как отдельный структурный компонент, а не производная от национальной или гражданской идентичности.

Значительное число исследований посвящено профессиональной идентичности. Работы А. Ариас, Е. А. Карповой, Т. Г. Кукулите [10], В. Р. Манукян, А. А. Трубицина [11], Е. А. Брызгалина и др. [12] демонстрируют, что профессиональная идентичность студентов развивается в собственной логике: она связана с мотивами выбора профессии, образовательной средой и субъективными представлениями о профессиональном будущем. Авторы подчеркивают, что профессиональная идентичность в современных условиях часто характеризуется неустойчивостью и противоречивостью, что отличает ее от других видов идентичности и требует самостоятельного анализа.

Наконец, религиозная и региональная идентичности также исследуются как отдельные феномены, обладающие собственной структурой и детерминацией, что показано в работах, посвященных религиозной идентичности молодежи [13–15] и региональной самоидентификации [16].

Совокупность этих исследований свидетельствует о том, что современная научная традиция трактует различные виды социальной идентичности как относительно автономные компоненты, каждый из которых обладает собственной динамикой, механизмами формирования и факторами детерминации. Однако такая фрагментарность приводит к тому, что целостный образ социальной идентичности личности оказывается разорванным на отдельные модули. В то же время современная молодежь существует в условиях множественности социальных ролей и пересечения различных социальных групп, что делает социальную идентичность многомерной системой, включающей сразу несколько модусов.

Следует отметить, что в ряде исследований социальная идентичность рассматривается именно как системное образование. При этом разные авторы включают в ее структуру различные модусы, подчеркивая многокомпонентность данного феномена. Так, А. В. Ми-

Микляева и П. В. Румянцева представляют социальную идентичность как совокупность нескольких взаимосвязанных компонентов – гендерного, возрастного, этнического, национального, профессионального, социально-экономического, религиозного и городского [17]. Авторы подчеркивают, что отдельные компоненты обладают различной степенью значимости в регуляции поведения: одни являются центральными (гендерная, возрастная, этническая, профессиональная, социально-экономическая), другие – периферическими (национальная, религиозная, городская). Это свидетельствует о том, что социальная идентичность функционирует как многоуровневая структура, в которой разные компоненты могут актуализироваться в зависимости от контекста и задач социального взаимодействия.

В работе А. Н. Татарко и Н. В. Чуйкиной социальная идентичность рассматривается как система пересекающихся оснований самоопределения (этнического, гражданского, религиозного, советского и цивилизационного), которые в совокупности формируют целостный идентификационный профиль личности [18]. Показано, что разные виды идентичности выполняют различные функции, влияя на социальный капитал и особенности социального поведения. Авторы подчеркивают, что множественные идентичности взаимодействуют между собой, формируя динамическую конфигурацию, чувствительную к социальному контексту и межпоколенным изменениям.

Таким образом, современные исследователи сходятся в понимании социальной идентичности как иерархически организованной и многомерной системы, включающей несколько самостоятельных, но взаимосвязанных модусов.

Выбор нами структуры социальной идентичности, включающей шесть модусов: гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный, – обусловлен несколькими теоретическими и методологическими основаниями.

Во-первых, выбранные модусы опираются на содержательные основания социальной идентичности, выделяемые в современных исследованиях. Так, А. В. Микляева и П. В. Румянцева показывают, что структура социальной идентичности включает несколько взаимосвязанных компонентов: национальный, религиозный, профессиональный, региональный (городской) и др., каждый из которых представляет собой значимую сферу самоопределения личности и может актуализироваться в различных ситуациях социального взаимодействия [17]. В нашем исследовании эта логика сохраняется: гражданская, национальная, культурная и религиозная идентичности отражают принадлежность к широким социальным и культурным общностям, тогда как профессиональная и региональная идентичности связаны с более конкретными жизненными контекстами студентов: образовательной средой и территориальным пространством повседневной жизни.

Во-вторых, структура из шести модусов опирается на подход, представленный в методике Л. А. Степновой и К. А. Иваненко (в модификации Е. В. Селезневой) [19], где гражданская, национальная, культурная, профессиональная, региональная и религиозная идентичности выделены как ключевые сферы, через которые проявляется социальное самоопределение личности. Данная модель является одной из немногих, рассматривающих социальную идентичность комплексно, а не фрагментарно, что соответствует современной тенденции изучения множественных идентичностей как целостной структуры.

В-третьих, выбранные модусы отражают наиболее релевантные контексты социального самоопределения студенческой молодежи. Гражданская и национальная идентичности задают макросоциальные рамки принадлежности; культурная – отражает включенность в ценностно-символическое пространство; региональная – фиксирует территориальную укорененность; профессиональная – связана с задачами образовательной и карьерной социализации; религиозная – отражает мировоззренческие ориентации. Таким образом, именно эти шесть модусов позволяют наиболее полно описать структуру социальной идентичности студентов. Такой подход позволяет не только учитывать специфику каждого компонента, но и анализировать их соотношение и взаимосвязи, что отражает реальную слож-

ность и вариативность социальной идентичности современных студентов. Стоит отметить, что целостные подходы, предполагающие комплексное изучение социальной идентичности как многомерной системы из нескольких взаимосвязанных между собой модусов, в современной научной литературе представлены ограниченно. Таким образом, выявляется необходимость исследования социальной идентичности студентов как целостной структуры, включающей содержание и степень сформированности через статусы идентичности.

Цель статьи – выявить особенности социальной идентичности современных российских студентов.

Задачи:

- выявить структуру социальной идентичности современных российских студентов;
- изучить взаимосвязь между выраженностью модусов социальной идентичности и статусом социальной идентичности современных российских студентов.

Научная новизна исследования состоит в расширении эмпирической базы исследований социальной идентичности молодежи и заключается в комплексном анализе социальной идентичности студентов как целостной многомерной системы, включающей шесть модусов, с одновременным учетом статусов ее сформированности. Получены новые эмпирические данные о специфике выраженности модусов социальной идентичности у студентов с различными статусами идентичности, что позволяет по-новому интерпретировать феномен псевдоидентичности как функционально значимое и адаптивное состояние на этапе профессионального и социального самоопределения.

В исследовании приняли участие 210 студентов московских вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В выборку вошли как мужчины, так и женщины (88 мужчин и 122 женщины), обучающиеся на различных направлениях подготовки. Средний возраст участников составил 20,5 лет ($SD = 1,99$), минимальный возраст – 17 лет, максимальный – 25 лет. Формирование выборки осуществлялось методом удобной выборки, что является распространенной практикой при изучении психологических характеристик студенчества и позволяет определить актуальные тенденции в данной возрастной группе.

Для анализа половозрастных особенностей социальной идентичности была выполнена стратификация выборки, в результате которой выделены четыре подгруппы: женщины 17–20 лет, мужчины 17–20 лет, женщины 21–25 лет, мужчины 21–25 лет. Такое деление отражает специфику разных этапов юношеского возраста и позволяет сопоставить особенности идентичности на переходе от ранней студенческой молодости (17–20 лет) к более зрелому периоду первичной профессиональной социализации (21–25 лет). В каждой подгруппе представлены респонденты с различным опытом обучения и социальной включенности, что делает возможным выявление внутригрупповых и межгрупповых различий. Процентное распределение участников в этих подгруппах составило соответственно: женщины 17–20 лет – 31,9 %, мужчины 17–20 лет – 27,62 %, женщины 21–25 лет – 26,19 %, мужчины 21–25 лет – 14,29 %.

При первичном описании выборки анализировались характеристики демографического профиля, включающие возраст, пол, курс обучения и другие социально значимые параметры. Дополнительно был проведен анализ полноты данных и проверка наличия пропусков; данные, не соответствующие критериям корректности ввода, были исключены.

Для изучения содержательных характеристик социальной идентичности использовался опросник «Исследование гражданской идентичности населения современной России» (авторы Л. А. Степнова и К. А. Иваненко) в модификации Е. В. Селезневой [19]. Данный инструмент позволяет оценивать выраженность шести модусов социальной идентичности, рассматриваемых в настоящем исследовании как ключевые элементы многомерной структуры социальной идентичности личности:

- 1) гражданская;
- 2) национальная (этническая);

- 3) культурная;
- 4) профессиональная;
- 5) региональная;
- 6) религиозная.

Каждый модус оценивается по интегральной 15-балльной шкале, где более высокие значения отражают большую выраженность соответствующего компонента. Методика отличается высокой валидностью, что позволяет использовать ее результаты как основу для сравнительного анализа разных групп.

Для определения уровней сформированности социальной идентичности использовалась методика изучения социальной идентичности (авторы Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрусталева) [20], направленная на выявление статусов идентичности. Данная методика позволяет отнести каждого респондента к одному из статусов: диффузная идентичность, мораторий, достигнутая идентичность, высокая достигнутая идентичность и псевдоидентичность. При первичной обработке данных было установлено, что подгруппы со статусами «диффузная идентичность» и «мораторий» представлены крайне малым числом человек, что не обеспечивает достаточной мощности статистического анализа. В связи с этим в основной анализ были включены только три статуса: достигнутая идентичность ($n = 29$), высокая достигнутая идентичность ($n = 41$) и псевдоидентичность ($n = 132$), что соответствует методологическим требованиям к объему подгрупп при непараметрическом анализе.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием пакета IBM SPSS Statistics. На предварительном этапе было выполнено исследование нормальности распределения переменных с помощью критерия Колмогорова – Смирнова, результаты которого показали значимое отклонение большинства показателей от нормального распределения. В связи с этим было принято решение использовать непараметрические методы анализа, что обеспечивает корректность статистических выводов в условиях шкал порядка и распределений, отличающихся от нормального.

Для выявления различий между половозрастными и статусными подгруппами применялся U-критерий Манна – Уитни, позволяющий оценить значимость различий между независимыми выборками. Для выявления взаимосвязей между модусами социальной идентичности и статусами идентичности использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена, что является наиболее распространенным подходом при работе с ранговыми и порядковыми данными.

Принятые методы анализа полностью соответствуют задачам исследования, типу шкал используемых методик и структуре выборки.

Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет охарактеризовать общую структуру социальной идентичности студентов и сделать вывод о сравнительно высокой выраженности всех рассматриваемых модусов.

Таблица 1

Субъективная иерархия модусов социальной идентичности участников исследования
в целом по выборке

Ранг в иерархии	Модусы социальной идентичности	Средний балл по 15-балльной шкале	Медиана	Стандартное отклонение
1	Гражданская идентичность	11,89	13	2,67
2	Национальная идентичность	11,66	12	2,85
3	Культурная идентичность	11,4	12	2,79
4	Региональная идентичность	11,35	12	2,63
5	Профессиональная идентичность	10,41	11	2,74
6	Религиозная идентичность	9,8	10	3,19

Как видно из таблицы, средние значения по большинству модусов располагаются в диапазоне от 10,41 до 11,89 баллов, что свидетельствует об общей тенденции к высокому уровню социального самоопределения молодых людей. Таким образом, можно говорить о том, что социальная идентичность студенческой молодежи в целом является достаточно сформированной и включает устойчивые представления о принадлежности к различным социальным общностям.

При этом внутри структуры выделяются две ключевые тенденции. Во-первых, наблюдается лидирующее положение гражданской идентичности, которая имеет наивысшее среднее значение ($M = 11,89$) и медиану 13 баллов. Это позволяет предположить, что для современных студентов именно гражданская сфера является наиболее значимой точкой социального самоопределения. Такая ситуация может объясняться усилением роли гражданской повестки в образовательной и информационной среде, развитием институтов волонтерства, общественных инициатив, а также влиянием актуальных социально-политических событий, способствующих росту внимания молодежи к вопросам гражданской ответственности и гражданской принадлежности. В недавнем исследовании В. В. Брюно среди студентов педагогических вузов также подтверждается, что большинство опрошенных респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством [21].

Во-вторых, на нижней позиции в иерархии модусов оказалась религиозная идентичность ($M = 9,8$), что согласуется с результатами современных исследований, фиксирующих тенденцию к секуляризации молодежи. В. А. Сушко и И. В. Васенина отмечают, что значение религиозных норм для российской молодежи ослабевает, что снижает роль религии как нравственного ориентира молодежи, в том числе в системе семейных ценностей [22]. А согласно исследованию Д. А. Черничкина, М. С. Топчиева и А. В. Рогова, практически четверть опрошенных из трех регионов России придерживаются мнения, что влияние религии на общественную жизнь в современной России в ближайшем будущем будет снижаться [15].

Особый интерес представляет тот факт, что именно по религиозной идентичности наблюдается наибольшее стандартное отклонение ($SD = 3,19$) среди всех модусов. Это указывает на выраженную неоднородность и индивидуализированность религиозных установок в выборке. Иными словами, студенты значительно более различаются в степени выраженности религиозной идентичности, чем в любом другом модусе: у одних она может быть ярко выражена, у других – минимальна. Такая вариативность отражает индивидуальные особенности мировоззрения, семейные традиции, региональный и культурный контекст, а также современную тенденцию к персонализации религиозных практик.

Важно отметить, что между модусами отсутствуют резкие разрывы в средних значениях: диапазон варьирует в пределах 2 баллов. Это позволяет говорить о внутренней согласованности структуры социальной идентичности студентов. Несмотря на различия в ранговых позициях, все модусы находятся примерно на одном уровне выраженности, что говорит о сбалансированности их вклада в социальное самоопределение личности. Такая согласованность может свидетельствовать о том, что студенты воспринимают свою принадлежность к различным социальным общностям комплексно, без выраженного перекоса в одну сторону.

Кроме того, средние значения модусов национальной ($M = 11,66$), культурной ($M = 11,4$) и региональной идентичности ($M = 11,35$) также достаточно высоки, что отражает устойчивость этнокультурного и территориального самоопределения. В совокупности эти данные позволяют предположить, что современные студенты опираются на разные основания социальной принадлежности: от гражданских и национальных ориентиров до идентичностей, связанных с территорией проживания и профессиональными устремлениями.

Сопоставление полученных данных с результатами исследования, проведенного в 2017 г. под руководством Л. А. Степновой [19, с. 44], позволяет уточнить возрастные за-

кономерности формирования социальной идентичности. В выборке 2017 г. гражданская идентичность не являлась наиболее выраженным модусом: по интегральному показателю она уступала этнической и региональной идентичности. Однако ключевым выводом исследования является выявленная устойчивая связь между возрастом и величиной интегрального показателя гражданской идентичности. Как отмечают авторы, по данным корреляционного анализа обнаружена тенденция, согласно которой чем моложе респондент, тем более выражена у него гражданская идентичность.

Таким образом, в структуре данных 2017 г. гражданская идентичность, не занимая ведущего положения в иерархии модусов идентичности, демонстрировала выраженную возрастную чувствительность и была более актуализирована в младших возрастных группах. Это позволяет рассматривать гражданскую идентичность как компонент социальной идентичности, значимость которого в тот период проявлялась преимущественно на ранних этапах социализации и не сопровождалась ее преобладанием в общей структуре самоопределения личности.

В выборке 2025 г. гражданская идентичность занимает первое место в иерархии модусов социальной идентичности студентов. Это может говорить об усилении роли гражданской идентичности в структуре социальной идентичности на этапе студенчества.

Таким образом, если в исследовании 2017 г. гражданская идентичность выступала как возрастно-чувствительный, но не ведущий модус, то в актуальных условиях она приобретает более устойчивый и структурно значимый характер. Это указывает на перераспределение акцентов в системе социального самоопределения современной студенческой молодежи и на возрастание значимости гражданской идентичности в условиях изменяющегося социального и образовательного контекста.

Обнаруженные изменения позволяют говорить о перераспределении акцентов в структуре идентичности: если в 2017 г. молодежь преимущественно опиралась на региональные и этнокультурные основания, то в 2025 г. более значимыми становятся гражданские, национальные и культурные компоненты. Такая динамика может быть обусловлена:

- социально-политическими изменениями последних лет, усилившими значимость гражданской позиции;
- активным развитием гражданского образования и добровольческих практик;
- воспитательной работой вузов, направленной на формирование гражданских и патриотических компетенций;
- медиасредой, где гражданская тематика стала одной из ключевых;
- тенденцией к секуляризации, снижающей значимость религиозной идентичности как интегративного основания;
- расширением культурной мобильности молодежи, приводящей к росту значимости культурной и национальной идентичности.

Полученные нами данные о высоком и при этом непрерывно растущем уровне выраженности гражданской идентичности в структуре социальной идентичности современных российских студентов и российской молодежи в целом прямо или косвенно подтверждаются результатами ряда других исследований, проведенных в последние годы. В частности, о повышении уровня гражданской идентичности свидетельствует высокий уровень патриотизма молодежи, который является одним из ее компонентов и показателей. Так, по результатам всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник», проведенного 9 ноября 2024 г., в котором приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет, при ответе на вопрос «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?» 99 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет и 92 % респондентов в возрасте от 25 до 34 лет ответили, что считают себя патриотами [23], при этом с 2016 г. этот показатель возрос в среднем на 18 % [24].

Безусловно, нельзя сделать однозначный вывод об абсолютном преобладании у современных российских студентов гражданской идентичности над другими модусами социальной идентичности. Так, в исследовании В. В. Брюно отмечается, что «большинство респондентов демонстрируют устойчивую самоидентификацию с гражданством и позитивное отношение к стране. Однако за этими цифрами скрываются разные уровни включенности, критической дистанции и иногда внутренняя амбивалентность. Идентичность остается скорее установкой, чем устойчивой практикой» [21, с. 26].

Проанализировав структуру социальной идентичности по выборке в целом, мы изучили, как именно выраженность различных модусов варьируется в зависимости от пола и возраста респондентов. Эти данные отражены в таблице 2 и позволяют выявить влияние особенностей социальной группы на общую конфигурацию идентичности. Сравнение половозрастных подгрупп демонстрирует как общие тенденции, характерные для всей выборки, так и специфические различия, определяемые возрастом и полом.

Таблица 2

Субъективная иерархия модусов социальной идентичности участников исследования, входящих в разные подгруппы по полу и возрасту

Ранг в иерархии	Модусы социальной идентичности (средний балл по 15-балльной шкале)			
	Женщины 17–20 лет	Мужчины 17–20 лет	Женщины 21–25 лет	Мужчины 21–25 лет
1	Гражданская идентичность (12,64)	Гражданская идентичность (11,78)	Гражданская идентичность (11,16)	Культурная идентичность (12,1)
2	Национальная идентичность (12,24)	Профессиональная идентичность (10,74)	Региональная идентичность (10,85)	Национальная идентичность (12,03)
3	Региональная идентичность (11,93)	Национальная идентичность (11,72)	Национальная идентичность (10,69)	Гражданская идентичность (11,77)
4	Культурная идентичность (11,57)	Культурная идентичность (11,66)	Культурная идентичность (10,56)	Региональная идентичность (11,03)
5	Религиозная идентичность (10,67)	Региональная идентичность (11,33)	Профессиональная идентичность (9,82)	Профессиональная идентичность (10,53)
6	Профессиональная идентичность (10,57)	Религиозная идентичность (9,97)	Религиозная идентичность (8,75)	Религиозная идентичность (9,5)

Прежде всего стоит отметить, что степень выраженности основных модусов идентичности во многом совпадает во всех подгруппах. Вне зависимости от пола и возраста религиозная идентичность занимает последние позиции, что подтверждает устойчивый тренд на снижение роли религиозной принадлежности в самоопределении современной молодежи.

Несмотря на общие тенденции структура идентичности в разных половозрастных группах имеет свои особенности. Так, у женщин 17–20 лет наблюдается наиболее высокая выраженность гражданской, национальной и региональной идентичностей, что может отражать активное включение младших студенток в социальные контексты, поиск групповой принадлежности и большую социальную чувствительность этого возраста. Исследования показывают, что девушки младшего студенческого возраста чаще демонстрируют ориентацию на социальное участие и взаимодействие, что усиливает гражданский и этнокультурный компоненты их идентичности. В исследовании Ю. А. Кочетовой и Е. А. Емельяновой было выявлено, что в возрасте 14–17 лет девушки демонстрируют более высокий уровень развития гражданской активности, чем юноши. Однако с увеличением возраста происходят изменения – юноши 18–21 года и 22–24 лет проявляют больший интерес к общественной и политической жизни общества, чем девушки [25].

Данные исследования Е. В. Селезневой и М. Х. Торабаевой [26] показывают, что девушки 17–19 лет ориентированы преимущественно на такие ценности, как удовольствие, любовь, семья, общение и помощь другим людям. Такой ценностный профиль указывает

на выраженную социальную чувствительность, стремление к межличностному взаимодействию и ориентацию на поддержание близких отношений. Эти результаты соотносятся с полученными данными, согласно которым девушки младшего студенческого возраста демонстрируют более высокую выраженность гражданской, национальной и региональной идентичностей, а также большую включенность в социальное окружение. Ориентация на значимые межличностные связи и готовность к социальной поддержке может способствовать усилению модусов идентичности, связанных с принадлежностью к различным социальным общностям, что и отражено в нашей выборке.

Профессиональная же идентичность в этом возрасте находится на стадии формирования, поэтому закономерно располагается в нижней части иерархии. С. М. Павлова отмечает, что юноши в меньшей степени, чем девушки, сталкиваются с трудностями при формировании профессиональной идентичности. Это может быть связано с тем, что мужская идентичность традиционно быстрее интегрирует профессиональную составляющую как значимый элемент взрослой социальной роли, тогда как для девушек профессиональная идентичность формируется в конкуренции с более широким спектром социальных и личностных ориентаций [27].

У мужчин 17–20 лет структура идентичности приобретает иной профиль: на второе место поднимается профессиональная идентичность. Это подтверждают данные исследований, согласно которым юноши раннего студенческого возраста чаще начинают задумываться о будущей профессии и социальной роли, чем их сверстницы. Согласно исследованиям С. М. Павловой, гендерные различия оказывают влияние на профессиональное самоопределение в подростковом возрасте: юноши, как правило, быстрее принимают решение относительно будущей профессиональной деятельности и нередко обладают более четким представлением о месте и социальных условиях реализации выбранной профессии. Их профессиональные намерения отличаются большей реалистичностью и устойчивостью, что дает им возможность раньше формировать структурированное профессиональное «Я» [27]. Девушки, напротив, в процессе выбора профессии чаще ориентируются на внешние социальные факторы, межличностные отношения и контекстные условия, что делает их выбор более длительным и многовариантным.

При этом гражданская идентичность у мужчин 17–20 лет остается ведущей, что свидетельствует об общей для всей возрастной группы тенденции высокой социальной включенности.

В старшей возрастной группе (21–25 лет) наблюдаются выраженные изменения. У женщин 21–25 лет гражданская идентичность остается наиболее значимой, но ее выраженность несколько снижается по сравнению с младшей группой. Это может быть связано с переходом к этапу профессионализации, когда внимание смещается с макросоциальных категорий на задачи индивидуального развития. При этом у женщин старшего возраста более высокие позиции занимает региональная идентичность, что можно рассматривать как стремление к устойчивым социальным «опорам» в период завершения обучения и выхода во взрослую жизнь.

У мужчин 21–25 лет лидирующей становится культурная идентичность. Это может отражать усиление этнокультурной самоидентификации на этапе формирования более устойчивых личностных структур и включения в профессиональную среду. Рост значимости культурного и национального модусов также согласуется с данными, полученными в исследовании 2017 г., проведенного под руководством Л. А. Степновой, где отмечается укрепление этнокультурных оснований идентичности по мере взросления [19, с. 35].

Таким образом, результаты анализа таблицы 2 позволяют заключить, что структура социальной идентичности является динамичной системой, чувствительной к возрастным изменениям, гендерным особенностям, образовательному контексту и будущим жизненным задачам. Общими для всех групп остаются низкая выраженность религиозной идентично-

сти и ведущая роль гражданской идентичности, тогда как вариативность в структуре второстепенных модусов отражает индивидуальные различия траекторий развития идентичности на разных этапах студенческого возраста.

Для выявления различий в выраженности модусов социальной идентичности между половозрастными группами был проведен сравнительный анализ с использованием критерия Манна – Уитни. Полученные результаты, представленные в таблице 3, демонстрируют, что возраст и пол оказывают значимое влияние на структуру социальной идентичности студентов.

Таблица 3

Различия в выраженности модусов социальной идентичности участников исследования

Модусы социальной идентичности	Средние значения в подгруппах, выделенных по полу и возрасту (средний балл по 15-балльной шкале)		p
	Женщины 17–20 лет	Женщины 21–25 лет	
Национальная идентичность	12,24	10,69	0,002
Религиозная идентичность	10,67	8,75	0,001
Региональная идентичность	11,93	10,85	0,008
Гражданская идентичность	12,64	11,16	0,003
Сравнение по полу			
Модусы социальной идентичности	Мужчины 21–25 лет	Женщины 21–25 лет	p
Национальная идентичность	12,03	10,69	0,029
Культурная идентичность	12,1	10,56	0,017

Прежде всего, выявлены устойчивые различия между женщинами младшего (17–20 лет) и старшего (21–25 лет) возрастных диапазонов. По всем четырем модусам, включенным в анализ: гражданскому, национальному, региональному и религиозному, – женщины 17–20 лет демонстрируют более высокие показатели, чем женщины 21–25 лет. Более выраженная гражданская (12,64 против 11,16; $p = 0,003$), национальная (12,24 против 10,69; $p = 0,002$) и региональная идентичности (11,93 против 10,85; $p = 0,008$) у младшей возрастной группы свидетельствуют о том, что на ранних этапах студенчества социальная включенность, поиск групповой принадлежности и внимание к макросоциальным категориям занимают более значимое место. Это согласуется с результатами современных исследований, фиксирующих, что девушки раннего студенческого возраста чаще демонстрируют выраженную социальную чувствительность, стремление к групповой интеграции и ориентацию на социально одобряемые модели идентичности.

Снижение показателей у женщин старшего возраста может отражать смену жизненных приоритетов, связанную с профессионализацией, переходом к формированию индивидуальных жизненных стратегий и уменьшением зависимости от коллективных форм социального самоопределения.

Отдельного внимания заслуживает различие в религиозной идентичности: женщины 17–20 лет имеют более высокие показатели (10,67 против 8,75; $p = 0,001$). Несмотря на то что религиозная идентичность остается самым низким модусом в общей структуре, выявленное различие подтверждает тенденцию, отмеченную в исследованиях религиозности молодежи: религиозная идентичность у ранней молодежи может быть несколько более выраженной, но с возрастом становится все более индивидуализированной и менее значимой в качестве основания групповой принадлежности.

Гендерные различия проявляются преимущественно в старшем возрастном диапазоне. У мужчин 21–25 лет выраженность национальной (12,03 против 10,69; $p = 0,029$) и культурной идентичности (12,10 против 10,56; $p = 0,017$) значимо выше, чем у женщин того же возраста. Это может быть связано с усилением этнокультурной самоидентификации у мужчин в период перехода к взрослым социальным ролям. Таким образом, мужчины стар-

ших курсов демонстрируют более выраженную ориентацию на этнокультурные основания самоопределения, тогда как женщины смещают фокус на задачи профессионального и личностного развития.

В целом результаты исследования показывают, что структура социальной идентичности существенно зависит от возраста, при этом ранний этап студенчества характеризуется более высокой выраженностью всех модусов. Гендерные различия проявляются преимущественно в старшей возрастной группе и касаются, прежде всего, этнокультурного компонента идентичности. Общей для всех подгрупп остается низкая выраженность религиозной идентичности.

Как видно из данных таблицы 4, уровни выраженности модусов социальной идентичности существенно различаются в зависимости от статусных групп, определенных по методике Л. Б. Шнейдер и В. В. Хрусталева. Наиболее высокие показатели по большинству модусов фиксируются у участников со статусом «псевдоидентичность», в то время как подгруппы со статусами «достигнутая идентичность» и «высокая достигнутая идентичность» демонстрируют более низкие значения.

Таблица 4

Различия в выраженности модусов социальной идентичности участников исследования с разным статусом социальной идентичности

Модусы социальной идентичности	Средние значения в подгруппах, выделенных по статусу социальной идентичности (средний балл по 15-балльной шкале)		p
	Достигнутая идентичность	Псевдоидентичность	
Культурная идентичность	10,21	11,99	0,006
Гражданская идентичность	10,52	12,51	0,0001
Профессиональная идентичность	9,31	11,1	0,001
Модусы социальной идентичности	Высокая достигнутая идентичность	Псевдоидентичность	
Гражданская идентичность	11,44	12,51	0,014
Профессиональная идентичность	9,63	11,1	0,005

Следует отметить, что у респондентов со статусом «псевдоидентичность» наблюдается наиболее высокая выраженность всех ключевых модусов социальной идентичности, включенных в анализ. Так, по сравнению с подгруппой со статусом «достигнутая идентичность» у респондентов со статусом «псевдоидентичность» значимо выше уровень национальной (11,94 против 11,28 балла), религиозной (10,02 против 9,69 балла) и региональной (11,58 против 11,00 балла) идентичности. Аналогичная картина наблюдается и при сравнении со статусом «высокая достигнутая идентичность», где респонденты со статусом «псевдоидентичность» также демонстрируют более высокие показатели национальной (11,94 против 11,51 балла), религиозной (10,02 против 9,54 балла), культурной (11,99 против 11,02 балла) и региональной (11,58 против 11,32 балла) идентичности.

Таким образом, подгруппа со статусом «псевдоидентичность» демонстрирует наиболее интенсивную выраженность социальной самоидентификации в различных сферах, что может быть связано с особенностями статуса псевдоидентичности как феномена. Согласно работам Дж. Марсии и последующим исследованиям, псевдоидентичность – это либо стабильное отрицание своей уникальности, либо, напротив, ее преувеличение, стереотипное предъявление своего Я [28]. В ряде случаев данный статус можно охарактеризовать как форму гиперидентичности: человек оказывается полностью поглощен выбранной ролью, социальным статусом или деятельностью, демонстрирует чрезмерно высокую самооценку и стремление реализовать поставленные цели любыми доступными средствами [29]. Таким образом, псевдоидентичность часто характеризуется стремлением к демонстратив-

ному самоопределению при отсутствии глубокой внутренней интеграции, что проявляется в повышенной декларативности и усиленном обозначении своей принадлежности к значимым социальным общностям. Такая формальная компенсация недостаточной внутренней устойчивости нередко приводит к «гипертрофированной» выраженности отдельных модусов.

Мы предположили, что более высокие показатели у респондентов со статусом «псевдоидентичность» могут отражать внешне акцентированное, но неустойчивое стремление к социальной включенности. Лица с достигнутой и высокой достигнутой идентичностью, напротив, обладают более сформированной, внутренне согласованной системой самоопределения, что может приводить к умеренному, сбалансированному уровню выраженности различных модусов. Иначе говоря, меньшая выраженность модусов у «достигнутых» и «высоких достигнутых» статусов может свидетельствовать не о снижении значимости идентичности, а о более реалистичной и интегрированной структуре самоотношений, в которой отсутствует необходимость в выраженной декларативности.

В то же время можно согласиться с выводами В. Р. Манукян и А. А. Трубициной, которые отмечают, что статус «псевдоидентичность» достаточно часто встречается у студентов и в их возрастной группе не обладает тем негативным значением, которое ему приписывается при оценке идентичности уже сформировавшихся профессионалов. Напротив, на этапе обучения он может отражать одно из функциональных и адаптивных состояний личностного и профессионального развития. Как отмечают авторы, для данного статуса характерна преимущественно внешняя мотивация профессионального выбора, что отличает его от достигнутой позитивной идентичности. Иными словами, студенты с такой идентичностью склонны активно присваивать и развивать профессиональную принадлежность, даже если первоначально она была выражена незначительно [11]. На наш взгляд, эти выводы справедливы не только для профессиональной идентичности, но и для других модусов социальной идентичности.

При сравнении подгрупп со статусами «достигнутая идентичность» и «высокая достигнутая идентичность» было выявлено, что выраженность модусов социальной идентичности не всегда демонстрирует линейный рост от первого статуса ко второму. Так, в подгруппе со статусом «высокая достигнутая идентичность» по сравнению с подгруппой со статусом «достигнутая идентичность» оказался выше уровень выраженности национальной (11,51 против 11,28 балла), региональной (11,32 против 11 баллов), гражданской (11,44 против 10,52 балла) и профессиональной (9,63 против 9,31 балла) идентичности, но ниже уровень религиозной (9,54 против 9,69 балла) и культурной (11,02 против 10,17 балла) идентичности.

Можно предположить, что различия между ними отражают избирательность и интегрированность структуры идентичности у носителей высокой достигнутой идентичности. У респондентов с этим статусом более выражены национальная, региональная, гражданская и профессиональная идентичности, что может свидетельствовать о том, что в процессе укрепления идентичности индивид опирается прежде всего на те модусы, которые становятся для него значимыми в личностном и социальном развитии. В то же время показатели религиозной и культурной идентичностей оказываются ниже, чем в подгруппе с достигнутой идентичностью, что может отражать селективное перераспределение акцентов: молодые люди с высокой достигнутой идентичностью усиливают те сферы, которые соответствуют их жизненным целям и социальным стратегиям, и в меньшей степени опираются на традиционные или менее релевантные в современной молодежной среде компоненты. Таким образом, высокая достигнутая идентичность характеризуется не общей интенсификацией всех модусов, а их функциональной дифференциацией, при которой усиливаются только ключевые основания социального самоопределения.

Проведенное исследование позволило уточнить представления о специфике социальной идентичности современных российских студентов и подтвердило целесообразность

ее рассмотрения как многомерной системы, включающей несколько взаимосвязанных модусов. Анализ интегральных показателей показал, что все шесть модусов социальной идентичности (гражданский, национальный, культурный, профессиональный, региональный и религиозный) в целом характеризуются достаточно высокой выраженностью, что свидетельствует о сформированности социальной идентичности студенческой молодежи и ее укорененности в различных уровнях социальных общностей. При этом выявлена выраженная иерархия модусов: ведущим основанием социального самоопределения выступает гражданская идентичность, тогда как религиозная идентичность занимает последние позиции и отличается наибольшей вариативностью, что согласуется с тенденцией секуляризации и индивидуализации религиозных установок среди молодежи.

Сопоставление полученных данных с результатами исследования 2017 г. позволяет уточнить особенности структуры социальной идентичности студентов. В выборке 2017 г. гражданская идентичность не занимала ведущего места в иерархии видов идентичности, однако для нее была зафиксирована выраженная возрастная чувствительность: более высокие значения данного модуса наблюдались у младших респондентов. В данных 2025 г. гражданская идентичность также характеризуется высокой выраженностью в молодежной среде, однако в отличие от результатов 2017 г. она занимает центральное положение в структуре социальной идентичности студентов. Это позволяет говорить об усилении роли гражданской идентичности как устойчивого основания социального самоопределения современной студенческой молодежи.

Наиболее заметные сдвиги касаются религиозной идентичности, которая и в 2017 г. занимала низкие позиции, а в настоящем исследовании остается наименее выраженным модусом и характеризуется наибольшей вариативностью. В целом полученные данные позволяют говорить о перераспределении акцентов: современная структура социальной идентичности становится более выровненной и интегрированной, с усилением гражданских, национальных и культурных компонентов и ослаблением религиозного.

Полученные результаты также показали, что структура социальной идентичности чувствительна к половозрастным особенностям. На раннем этапе студенчества (17–20 лет) у девушек фиксируются более высокие показатели гражданской, национальной и региональной идентичности, что отражает повышенную социальную чувствительность, ориентацию на групповую принадлежность и поиск опор в макросоциальных категориях. У юношей того же возраста на второе место выходит профессиональная идентичность, что свидетельствует о более ранней актуализации задач профессионального самоопределения. В старших возрастных группах (21–25 лет) наблюдается перераспределение приоритетов: у женщин снижается выраженность макросоциальных модусов при усилении ориентации на индивидуальные жизненные и профессиональные стратегии, тогда как у мужчин возрастает значимость культурной и национальной идентичности, что отражает укрепление этнокультурных оснований самоопределения.

Анализ взаимосвязей модусов социальной идентичности со статусами идентичности выявил, что наиболее высокие показатели по основным модусам наблюдаются у респондентов со статусом «псевдоидентичность». Такая «гипертрофированная» выраженность социальных идентичностей при псевдоидентичности может интерпретироваться как внешне акцентированное, декларативное самоопределение при недостаточной внутренней интегрированности идентификационных выборов. В то же время для групп с достигнутой и высокой достигнутой идентичностью более характерен умеренный, сбалансированный уровень выраженности модусов при их избирательном усилении (прежде всего, гражданского, национального, регионального и профессионального), что указывает на большую внутреннюю согласованность и функциональную дифференциацию структуры идентичности.

В целом результаты исследования подтверждают, что социальная идентичность современных российских студентов представляет собой динамичную, контекстуально обусловленную и многомерную систему, в которой пересекаются различные уровни социальной принадлежности и статусы ее сформированности. Полученные данные расширяют эмпирическую базу исследований социальной идентичности молодежи и подчеркивают необходимость учета как содержательных характеристик (модусов), так и структурных параметров (статусов идентичности) при анализе процессов социального самоопределения. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением взаимосвязей модусов социальной идентичности с ценностными ориентациями, жизненными смыслами, моральными основаниями личности, а также с анализом влияния цифровой среды и специфики образовательных практик на формирование целостной идентичности студенческой молодежи.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в системе психологического сопровождения студентов, деятельности психологических служб образовательных организаций, а также при разработке и реализации программ гражданского, патриотического и профессионального воспитания молодежи. Полученные данные могут быть использованы при проектировании профилактических и развивающих программ, направленных на формирование устойчивой и внутренне интегрированной социальной идентичности студентов, а также в рамках программ поддержки профессионального самоопределения и социальной адаптации обучающихся. Материалы исследования представляют практический интерес для преподавателей высших учебных заведений, практических психологов, специалистов по воспитательной работе и исследователей, изучающих проблемы социальной идентичности и социализации молодежи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Великая Н. М., Лисенкова А. А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 374–390.
2. Сашенко Н. П. Множественная идентичность сквозь призму гражданственности российского студенчества (по итогам социологического исследования) // PolitBook. 2024. № 3. С. 149–171.
3. P rez-Torres V. Social media: a digital social mirror for identity development during adolescence // Current Psychology. 2025. Vol. 43. Pp. 22170–22180.
4. Ramdlani M. F., Khoiriyah H. A., Lawal U. S. Influence of Social Media on Self-Identity Formation and Development of Interpersonal Ability in University Students // Education and Sociedad Journal. 2024. Vol. 1 (2). Pp. 73–82.
5. Marcia J. Identity in adolescence // Handbook of adolescent psychology / J. Adelson. Wiley, 1980. Pp. 159–187.
6. Молчанова Л. Н., Королева С. И. Особенности социальной идентичности волонтеров, занимающихся профессионально-ориентированной добровольческой деятельностью и подверженных эмоциональному выгоранию // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 2. С. 144–157.
7. Минеев-Ли В. Е., Шаповалова Ю. Формирование гражданской идентичности студентов педагогического колледжа // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2022. № 6. С. 113–119.
8. Глазырина Е. Ю., Нежинская Т. А. Формирование гражданской идентичности российской молодежи в условиях открытого образовательного пространства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. № 206. С. 49–57.
9. Гриценко В. В., Ефременкова М. Н., Муращенкова Н. В. Этническая, гражданская и глобальная идентичности русских старшеклассников: связь с ценностями // Психологическая наука и образование. 2024. № 29 (6). С. 99–113.
10. Ариас А., Карпова Е. А., Кукулите Т. Г. Динамика профессиональной идентичности студентов вуза (психологический анализ) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 3. С. 241–253.

11. Манукян В. Р., Трубицина А. А. Профессиональная идентичность и субъективное благополучие студентов старших курсов // Петербургский психологический журнал. 2019. № 26. С. 1–18.
12. Брызгалин Е. А., Александрова Ю. Ю., Пряжников Н. С. Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы. Часть 1 // Психологические исследования. 2023. 16, № 7 (92).
13. Пучков А. С. Религиозная идентичность молодежи: операционализация понятия // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 69. С. 24–30.
14. Пронина Т. С. Религиозная идентичность как психосоциальный феномен // Вестник РХГА. 2015. № 2. С. 154–166.
15. Черничкин Д. А., Топчиев М. С., Рогов А. В. Влияние уровня религиозной идентичности на конфессиональную безопасность студенческой молодежи российского Прикаспия // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 105–123.
16. Тучина О. Р., Аполлонов И. А. Исследование ценностных оснований идентичности с местом проживания: субъектный подход // Российский психологический журнал. 2024. № 21 (3). С. 92–111.
17. Микляева А. В., Румянцева П. В. Соотношение центральных и периферических компонентов в структуре социальной идентичности личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 5. С. 36–45.
18. Татарко А. Н., Чуйкина Н. В. Взаимосвязь множественных идентичностей и социального капитала на постсоветском пространстве: межпоколенный анализ // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17, № 4. С. 65–73.
19. Развитие общегражданской идентичности в поликультурном пространстве российского общества / Л. А. Степнова [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Степновой. М., 2017. 128 с.
20. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ (Российской международной академии туризма). 2014. № 3. С. 83–96.
21. Брюно В. В. Гражданская идентичность студентов педагогических вузов: опыт, восприятие, риски // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 4. С. 18–28.
22. Сушко В. А., Васенина И. В. Религиозность современной российской молодежи как фактор формирования семейных ценностей // Социодинамика. 2019. № 1. С. 122–137.
23. Федоров В. Служение Родине: понимание и готовность. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/sluzhenie_rodine_ponimanie_i_gotovnost.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
24. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-v-rossii-esli-zavtra-vojna-esli-zavtra-v-pokhod?ysclid=mhzz0noef657691207> (дата обращения: 14.11.2025).
25. Кочетова Ю. А., Емельянова Е. А. Психологические характеристики проявления гражданской позиции в ранней и поздней юности // Психолого-педагогические исследования. 2019. Т. 11, № 4. С. 147–156.
26. Селезнева Е. В., Торабаева М. Х. Взаимосвязь ценностных ориентаций студентов и их экзистенциальной идентичности в контексте жизненного выбора // Известия Российской академии образования. 2022. № 3. С. 84–99.
27. Павлова С. М. Особенности профессионального самоопределения и адаптации студентов-первокурсников // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4.
28. Солодуха Ю. М. Статусы профессиональной идентичности психологов на разных стадиях ее становления // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21 (4). С. 350–358.
29. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. 128 с.

REFERENCES

1. Velikaya N.M., Lisenkova A.A. Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 374–390. (In Russ.).
2. Sashchenko N.P. The state of national-state identity through the lens of citizenship of Russian students. *PolitBook*, 2024, no. 3, pp. 149–171. (In Russ.).

3. P rez-Torres V. Social media: a digital social mirror for identity development during adolescence. *Current Psychology*, 2025, vol. 43, pp. 22, 170–22, 180.
4. Ramdlani M.F., Khoiriyah H.A., Lawal U.S. Influence of social media on self-identity formation and development of interpersonal ability in university students. *Education and Sociedad Journal*, 2024, vol. 1 (2), pp. 73–82.
5. Marcia J. Identity in adolescence. In: Adelson J. *Handbook of adolescent psychology*. Wiley, 1980. Pp. 159–187.
6. Molchanova L.N., Koroleva S.I. Features of social identity of volunteers engaged in professionally oriented volunteer activities and subject to emotional burnout. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 144–157. (In Russ.).
7. Mineev-Li V.E., Shapovalova YU. Formation of civic identity of pedagogical college students. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 2022, no. 6, pp. 113–119. (In Russ.).
8. Glazyrina E.Yu., Nezhinskaya T.A. Formation of civil identity of russian youth in the conditions of open educational space. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2022, no. 206, pp. 49–57. (In Russ.).
9. Gritsenko V.V., Efremenkova M.N., Murashchenkova N.V. Ethnic, Civic and global identities of Russian high schoolers and their correlation with values. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2024, no. 29 (6), pp. 99–113. (In Russ.).
10. Arias A., Karpova E.A., Kukulite T.G. Dynamics of professional identity in higher school students (psychological analysis). *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2016, no. 3, pp. 241–253. (In Russ.).
11. Manukyan V.R., Trubitsina A.A. Professional identity and subjective well-being of senior students. *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal = St. Petersburg Psychological Journal*, 2019, no. 26, pp. 1–18. (In Russ.).
12. Bryzgalin E.A., Aleksandrova Yu.Yu., Pryazhnikov N.S. Theoretical and psychological analysis of modern ideas about professional identity: general principles. Part 1. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 2024, vol. 16 (92), no. 7. (In Russ.).
13. Puchkov A.S. Religious identity of youth: operationalization of the concept. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii = Science. Innovation. Technologies*, 2010, no. 69, pp. 24–30. (In Russ.).
14. Pronina T.S. Religious identity as a psychosocial phenomenon. *Vestnik RKHGA = Review of Russian Christian Academy for Humanities*, 2015, no. 2, pp. 154–166. (In Russ.).
15. Chernichkin D.A., Topchiev M.S., Rogov A.V. Religious identity and confessional security through the eyes of the student youth of the Russian Caspian region. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 105–123. (In Russ.).
16. Tuchina O.R., Apollonov I.A. Study of the value bases of identity with a place of residence: a subjective approach. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2024, no. 21 (3), pp. 92–111. (In Russ.).
17. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. The ratio of central and peripheral components in the structure of social identity of a personality. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2011, vol. 32, no. 5, pp. 36–45. (In Russ.).
18. Tatarko A.N., Chuikina N.V. The relationship of multiple identities and social capital in the post-Soviet space: an intergenerational analysis. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and Historical Psychology*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 65–73. (In Russ.).
19. Stepnova L.A. *Razvitie obshchegrazhdanskoi identichnosti v polikul'turnom prostranstve rossiiskogo obshchestva* [Development of civil identity in the multicultural space of Russian society]. Ed. by Stepnova L.A. Moscow, 2017. 128 p.
20. Schneider L.B., Khrustaleva V.V. The associative test as the basis for constructing a methodology for studying social identity. *Vestnik RMAT (Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma) = Bulletin of the RMAT (Russian International Academy of Tourism)*, 2014, no. 3, pp. 83–96. (In Russ.).
21. Bryuno V.V. Civic identity of students of pedagogical universities: experience, perception, risks. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 2025, no. 4, pp. 18–28. (In Russ.).
22. Sushko V.A., Vasenina I.V. Religiosity of modern Russian youth as a factor in the formation of family values. *Sotsiodinamika = Sociodynamics*, 2019, no. 1, pp. 122–137. (In Russ.).

23. Fedorov V. *Sluzhenie Rodine: ponimanie i gotovnost'* [Service to the Motherland: understanding and readiness]. Available at: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/sluzhenie_rodine_ponimanie_i_gotovnost.pdf (In Russ.). (Accessed November 14, 2025).
24. *Patriotizm v Rossii: esli zavtra vojna, esli zavtra v pokhod* [Patriotism in Russia: if there is a war tomorrow, if there is a campaign tomorrow]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-v-rossii-esli-zavtra-vojna-esli-zavtra-v-pokhod?ysclid=mhzz0nef657691207> (In Russ.). (Accessed November 14, 2025).
25. Kochetova Yu.A., Emel'yanova E.A. Psychological characteristics of the manifestation of a civic position in early and late adolescence. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological and Pedagogical Research*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 147–156. (In Russ.).
26. Selezneva E.V., Torabaeva M.Kh. The relationship between students' value orientations and their existential identity in the context of life choices. *Izvestiya Rossiiskoi akademii obrazovaniya = News of Russian Academy of Education*, 2022, no. 3, pp. 84–99. (In Russ.).
27. Pavlova S.M. Features of professional self-determination and adaptation of first-year students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 4. (In Russ.).
28. Solodukha Yu.M. The statuses of professional identity of psychologists at different stages of its formation. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki = Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Historical, Psychological and Pedagogical Sciences*, 2021, no. 21 (4), pp. 350–358. (In Russ.).
29. Schneider L.B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and diagnostic methods]. Moscow, 2007. 128 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА ГАЙЧЕНЯ – аспирант факультета оценки и развития управленческих кадров Института Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, help@tatianaszn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

TAT'YANA A. GAICHENYA – Postgraduate Student at the Faculty of Management Personnel Assessment and Development of the Institute of Higher School of Public Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, help@tatianaszn.ru

Статья поступила 15.12.2025